

РОЛЬ ВНУТРИСЕМЕЙНОГО ОБЩЕНИЯ
В ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ
В НЕМЕЦКИХ СЕМЬЯХ
ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ
В НАЧАЛЕ XX в.

Немецкая община Петербурга как тема для исследования до настоящего времени практически не рассматривалась; о ней имеются эпизодические упоминания в нескольких работах и художественных произведениях¹. В период первой и второй мировых войн и после них отношение к немцам было, в основном, негативное².

Данная статья написана на основании устных воспоминаний членов трех немецких семей: Э. О. Выржиковской (урожденной Зевальд) — из семьи потомственных учителей; Р. А. Лейнонена, чьи предки были стеклодувами — выходцами из Германии в 20-х гг. XIX в.; Я. Г. Эргарда, происходящего из немецких колонистов.

К 1900 г. немцев в Петербурге насчитывалось 50,3 тыс. человек³. Среди них были представители самых разных социальных слоев: колонисты, ремесленники, интеллигенция, военные. Всем им были присущи как общие черты в методах воспитания, обусловленные этнической общностью, так и особенные, связанные с социальной дифференциацией.

Прежде всего, в немецких семьях необходимо отметить тесное сотрудничество взрослых и детей на праздниках, в играх и быту. По воспоминаниям Э. О. Выржиковской, семейные праздники обязательно отмечались. Особенно торжественным

¹ Кеппен П. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861; Генслер И. Куллерберг, или Как гуляли петербургские немцы. СПб., 1908.

² Брешке-Брешковский Н. Н. Гадины тыла. Немецкий шпионаж. Пг., 1916; Мелок А. Немецкий разбой в Европе. Л., 1945.

³ Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. С. 182.

был день рождения отца. Его кресло украшалось венком из васильков, в мамин день — ее кресло — зеленым венком. По традиции, дети дарили родителям подарки, сделанные собственными руками, — покупать подарки было не принято, — и читали наизусть какое-либо стихотворение, которое потом подносилось папе, написанное каллиграфическим почерком на особом листе, украшенном виньетками. Отец был поклонником Гете и Шиллера, и особенно был доволен, когда слышал их стихи. Маме в подарок что-нибудь вышивали или вязали, причем не только девочки, но и мальчики. В дни рождения детей — Хеллы, Леопольда, Георгия или маленькой Этты — помимо их сверстников приходили близкие родственники и друзья родителей. Взрослые дарили детям подарки и уходили в комнату родителей, а именинник или именинница брали на себя обязанности хозяина или хозяйки и принимали своих гостей-детей в детской. Там находились детские стульчики и столики, на которых стоял детский сервиз. Хозяин был в переднике особого фасона: с большим карманом на груди и с застежками на плечах; у девочек передник завязывался сзади. Рассадив гостей, хозяин предлагал различные кушанья, а после все шли играть.

К дням рождения готовили *гебуртстагкриндель* (крендель со свечами), запеченный окорок и жареного гуся. В такие дни подавались традиционные немецкие кушанья: сладкий суп с клецками, шарлотка, *швиммендинзел* («плавающие острова» — сладкое блюдо), *бубберт*. Летом делались холодные фруктовые супы. В дни рождения детей мама варила шоколад, на стол подавались пирожные и фрукты.

К праздникам пекли много сдобы. Папа не разрешал детям появляться на кухне, и поэтому, только когда он был на работе, мама брала детей с собой, давала им по кусочку теста и все делали фигурные пряники, причем детские изделия пеклись на особом противне.

Главным семейным праздником было Рождество. В первое воскресенье декабря начинался *адвент* (молитва), который продолжался до Сочельника (24 декабря); детям зачитывались отрывки из Святого Писания о жизни Христа, Деве Марии и апостолах. Дети писали, что они хотели бы получить на Рождество в подарок. 24 декабря дети и взрослые шли в церковь, где стояли две громадные елки с белыми свечами по обеим сторонам алтаря, которые зажигались одновременно от бикфордова шнура. После возвращения из церкви дети с нетерпением ждали в темной комнате, когда зазвенит папин звонкий колокольчик. Наконец раздавался звонок и двери в гостиную распахивались, дети входили и с восхищением смотрели на нарядную елку, родителей и четыре столика под елкой с подарками и «сладкими тарелками», на которых лежали фрукты, конфеты, печенье. Но к елке нельзя было подойти сразу: мама садилась за рояль, папа сидел в кресле-качалке, и все вместе

пели три рождественские песни: «О, Tannenbaum, o, Tannenbaum», «O du, fröhliche, o du, selige, Gnaden bringend Weinachtzeit», «Stille Nacht, heilige Nacht...» («О, елочка, о, елочка», «О ты, радостное, о счастливое, приносящее благословение Рождество», «Тихая ночь, святая ночь...»). Потом подходили к папе, затем — к маме — с поздравлениями, поднося им изделия, изготовленные собственными руками, поздравления, написанные на красивых листах бумаги, в стихах или прозе. При этом дети с нетерпением косились на столики. Наконец, все подходили к ним, и что тут начиналось!.. Визги, крики восхищения и радости. В знак благодарности они обнимали родителей и целовали им руки, что было совершенно естественно. После все садились за праздничный стол, который заранее украшал папа; елку тоже наряжал он. Полакомившись за столом, дети шли в детскую играть с новыми игрушками, постоянно ими обмениваясь.

В рождественское утро, 25 декабря, встав пораньше, маленькая Этта тайком, чтобы не будить домашних, пробиралась в гостиную к подарочным столикам и лакомила гостинцами. Потом вставали остальные. Детям запрещено было обращаться за помощью к горничной в детской, они сами заправляли постели и наводили у себя порядок.

На кухню в день праздника приходили старший или младший дворники, в белых фартуках, с начищенными бляхами на груди, они поздравляли «барина и барыню», получали деньги и вино. Дети с любопытством наблюдали за этой церемонией из коридора. Сочельник был чисто семейный праздник, на Рождество же приходили родственники и друзья родителей. Дети выходили поприветствовать их, делали *кникхен*, получая в ответ подарки и поздравления. Затем взрослые уходили к папе, а дети занимались в детской.

Воспитание велось демократично, однако дети всегда здоровались со старшими первыми, независимо от их социального положения. Хотя папа был, в отличие от мамы, неверующим, по воскресеньям родители ходили вместе с детьми в церковь. Перед сном мама обязательно читала с детьми молитву. Нужно отметить, что церковь играла большую роль в духовном и нравственном воспитании детей.

Как и во всех немецких семьях, взрослые и дети много пели. Мама пела сама и учила детей петь на французском, финском и, конечно, на немецком языке. По-русски в семье не говорили, и это было вполне естественно: ведь родным был немецкий язык. Папа пел только по-немецки и только на даче, так как дома из-за работы не хватало времени. Он сдержанно относился к людям другой национальности и заводил знакомства только в немецкой среде, хотя эта сдержанность не была следствием неприязни, — он был родом из Риги, где традиционным считалось общение в немецкой среде. Мама, в отличие от

отца, выросла в столице, и среди ее друзей было много русских, поляков. Отношение отца к другим национальностям не было проявлением национализма, но это была реакция на сохранение своей национальной самобытности, самооценности.

Отец плохо относился к театру, и поэтому редко водил туда детей. Первый спектакль, который посмотрела маленькая Этта, был «Волшебная флейта» Моцарта. Став старше, достигнув совершеннолетия, Этта наверстала упущенное.

В доме было много детской литературы на русском и немецком языках, в том числе «Золотая библиотека» в красивом позолоченном переплете. Одним из любимых героев в ней был Мурзилка — в цилиндре, во фраке, с тросточкой и цветком. Попадая в самые трудные переделки, он всегда выходил невредимым. Героями приключений были также доктор Мазь-Перемазь, Знайка, Незнайка. Читались книги Лидии Чарской, которая переводила для девочек на немецкий язык сказки Г.-Х. Андерсена, братьев Гримм, Г. Фрайтага.

Молодые люди и девушки собирались друг у друга на вечеринки. Обычно приходили к 8 вечера и засиживались до первых трамваев. Скучать было некогда: шутки, шарады, шуточные сценки и выдумки были на протяжении всего вечера. На Пасху молодежь ходила в православный Никольский собор на заутреню. Надо сказать, что несмотря на кажущуюся отчужденность, отсутствовало чувство кастовости, и немцы посещали не только свои клубы, церкви, но и другие места, не связанные непосредственно с их средой. Когда же эти различия стали искусственно нивелироваться посредством уничтожения в конце 1920-х гг. культурных институтов — клубов, церквей, театров — и была предпринята попытка создать однородное общество, «стереть границы между городом и деревней», люди лишились возможности удовлетворять свои национально-культурные потребности. Тем самым еще более усиливалась социальная напряженность.

Часто устраивались молодежные балы, которые, по традиции, открывали отец и мать: старший брат танцевал с мамой, а старшая сестра — с папой, после чего родители уходили и предоставляли молодежи возможность веселиться до утра. По сути, это были те же вечеринки с танцами.

Другим нашим информантом, представителем петербургских немцев, является Р. А. Лейнонен. Его дед был кузнецом, отец — слесарем, дядя — оптиком-механиком, тетушка Эмилия работала до 1941 г. в аптеках Ленинграда, Изабелла — портнихой, а Алида — модисткой.

Как и во всех немецких семьях, в семье Лейноненов (отец был финном, но Роберт Адольфович воспитывался у тетушек-немок) особенно торжественно отмечались Рождество и Пасха. Задолго до Рождества дети говорили, что они хотели бы получить от Деда Мороза, зная при этом, что получают подарок в

зависимости от своего поведения в прошедшем году. Для пирогов замешивалось специальное тесто, куда клались корица, цукаты, мед, патока. Горшок с тестом помещали в спальню и несколько дней отстаивали. Особенно много пекли в годы НЭПа: песочники; безе; *пфеффер*; печенья — медовое, желтое, шафранное, геркулесовое, «собачье»; *штолен* (продолговатые сдобные булочки), *картамон*, *блейхкухен* (плоский пирог без начинки, посыпанный мелкими мучными крошками; в Поволжье — *крюммелькухен*) и, конечно, запеченный окорок.

С утра шла уборка, потом — обед, после которого начиналось непосредственное приготовление к Рождеству: стелились дорожки, салфетки, столы накрывались скатертями, наряжалась елка; ее украшали гирлянды бус, цветные шарики, игрушки и конфеты. После всех приготовлений взрослые уходили в церковь, а дети оставались дома. Тетя читала им библию о Деве Марии и ангелах. На столе стояли тарелки с гостинцами: печеньем, конфетами, яблоками, мандаринами, орехами. Наконец, взрослые возвращались и уходили в комнату, где стояла елка. Дети с нетерпением ждали; был слышен поющий родители хорал. Наконец можно было войти. Немного позже пение смолкало и дети подходили к подаркам, которые лежали под елкой. Потом все шли к столу и праздник продолжался.

В праздновании Пасхи дети принимали наряду со взрослыми самое активное участие. Задолго до праздника все собирали цветные лоскутки и бумажки для крашения яиц. Накануне Пасхи в них заворачивали и варили яйца. Самым интересным было потом развернуть и посмотреть, у кого получился наиболее красивый и замысловатый узор. Потом все складывали в вазу. Ночью приходил Пасхальный Заяц — кто-либо из взрослых — и прятал подарки в карманы, туфли и укромные места. Проснувшись утром, дети сразу бросались искать подарки и, конечно, находили, что доставляло им много радости.

Укладывая детей спать, мама пела им немецкие песни, то же делала и бабушка. Часто по выходным дням выезжали за город, где мама рассказывала о жуках, цветах, передавая свою любовь к природе детям.

С семи лет Роберт жил у тетушек на Симанской улице в Гавани. Несмотря на то, что тетушки закончили всего 4 класса, они были начитанными и хорошо разбирались в музыке. В долгие зимние вечера вся семья усаживалась за стол, — читали по очереди вслух, одновременно занимаясь своими делами: одна из тетушек шила, Роберт делал уроки. Благодаря этим чтениям, Роберт уже в 4 классе читал такие серьезные произведения, как «Отверженные» В. Гюго.

Тетушки были романтическими натурами; их восторженность от всего хорошего, что есть на свете, передавалась и племяннику. Удивительно чуткие люди, они поддерживали и развивали интересы ребенка. С детства Роберт мечтал стать

астрономом и в один из дней рождения ему подарили звездный глобус. С этого глобуса мальчик скопировал карту звездного неба и занимался ее изучением.

Не имея педагогического образования, тетушки располагали своей системой воспитания и пользовались оригинальными методами. В первое время пребывания у них Роберт сильно капризничал, и когда что-то было ему не по нраву, бросался на пол, бил руками и ногами и кричал во все горло. Представьте же его удивление, когда тетушки, отодвинув стулья, тоже бросились на пол и стали выделывать те же коленца. Больше таких истерик не повторялось. В другой раз мальчик стал в бешенстве раскидывать игрушки по комнате. Реакция тетушек на это была сверхнеожиданной: они открыли буфет и начали выкидывать из него посуду, приговаривая: «Еще или положить на место?» Роберт надолго запомнил эти уроки. Увидев со стороны абсурдность своего поведения, он совершенно изменился. Его никогда не ублажали, но принимали действенные контрмеры.

Участвуя в совместных чтениях по вечерам, Роберт получал хорошую подготовку к школе: когда садились читать «Робинзона Крузо», «Остро соколовиц» или что-нибудь, связанное с путешествиями, то обязательно доставали карту и встречавшееся географическое название тотчас же находили. Благодаря своей начитанности мальчик играл в такую игру: вырезал из бумаги и картона героев прочитанных книг и играл, пересказывая сюжет той или иной книги, фантазируя и прибавляя что-то от себя. Приходившие иногда к нему сверстники не могли включиться в игру и молча смотрели со стороны.

Читались книги и по божественной истории, написанные и иллюстрированные специально для детей. Все непонятные места обязательно объяснялись. К сожалению, в образовании современных людей существует огромный пробел — незнание божественной истории, истории религии. Человек приходит в Эрмитаж, смотрит на полотна великих художников и не может сказать, на какие библейские сюжеты они написаны.

По воскресеньям детей приводили в церковь, где для них проходили специальные службы. Родители сажали детей на передние маленькие скамейки, предназначенные специально для них, а сами оставались сзади. Пастор толковал сообразно детскому пониманию один из отрывков Святого Писания. После того, как он заканчивал, к детям выходили женщины и разбивали их на группы из 5—6 человек для повторного объяснения непонятых мест. В художественном воспитании церковь имела также большое значение: здесь детям прививался эстетический вкус во время слушания органной музыки и вдохновенных проповедей пастора.

Тетушки очень любили театр, музыку; благодаря их бесконечным беседам о Бахе, Бетховене, Моцарте, Гайдне, о любимых спектаклях, мальчик с детства был приобщен к миру

искусства. Идя в театр, он уже знал о композиторе и авторе, на тему произведения которого написана опера или поставлен балет. «Щелкунчик», «Конек-горбунок», «Сказка о царе Салтане» и другие сказки были известны мальчику до того, как он увидел эти спектакли. С раннего детства Роберт приобщался к серьезной музыке. Когда ему было семь лет, в доме появился детекторный приемник с наушниками, и все регулярно усаживались слушать музыку.

С детства дети в немецких семьях приучались к самостоятельности. Любовь к порядку и внутренняя собранность позволили Роберту Адольфовичу выжить в экстремальных условиях сталинского лагеря и спецпоселения, он не спился, не смалодушничал перед многолетней несправедливостью.

Представитель совершенно другой социальной группы, Я. Г. Эргард, — колпинский колонист, детство которого пришлось на 1920-е годы, «когда было еще ленинское время, и люди жили по-людски». В детстве Яков Георгиевич ничем не отличался от сельских ребят. Учился в 4-летней школе, которая была в колонии: в ней сначала учились только немецкие дети, но в 1920-е годы, когда в колонии стали снимать квартиры рабочие Ижорского завода, появились и русские. Сначала учительницей была Бендер, уроженка этой же колонии, окончившая Петришуле в Ленинграде, после ее смерти ее сменил эмигрант из Германии Радельшпек (его расстреляли в 1930 г.)

С 8 лет Яша помогал жать рожь, ячмень, носил в поле завтрак и обед родителям, с 10 лет ходил в ночное, пас коров и лошадей, помогал по хозяйству. Конечно, были и праздники, во время которых люди отдыхали от дел и веселились: на Рождество не работали три дня — с 24 по 26 декабря. Занимались лишь уборкой помещений и близлежащей территории, — за каждым был закреплен свой участок. Дети чистили и убрали мощный двор, убирали в сараях за скотиной, очищали от снега дорожки.

В первый день Рождества, после уборки и обеда, шли всей семьей в церковь. Во время службы давался небольшой концерт, подготовленный под руководством Яшиной мамы, которая очень хорошо пела. Дети были наряжены в костюмы херувимов, ангелов и других персонажей Писания и пели песни, читали стихи на евангельские темы.

Придя из церкви, все сажались ужинать, после чего дети ложились спать, а взрослые ставили и наряжали елку. Проснувшись утром, дети видели под елкой подарки. Интересно, что тут никаких «заказов» не было, все было засекречено: «Боженька принес детям за хорошее поведение».

Повзрослев, молодежь устраивала вечеринки в одном из домов, причем у каждого была своя компания: пели песни, играли в карты, рассказывали анекдоты, танцевали под гармонь

вальс, польку, краковяк. Устраивались танцы и более масштабные, — в колонии был свой хороший духовой оркестр.

К сожалению, скоро относительно хорошая жизнь кончилась: в 1930 г. провели коллективизацию и дедушку раскулачили, потом начались репрессии по национальному признаку, и к 1937 г. расстреляли 40 отцов семейств. Были сломаны традиционные стереотипы поведения, национальный уклад. Надо сказать, что, несмотря на притеснения, немцы не роптали, но молча несли свой крест, воспитанные в уважении к властям и приученные к порядку. Однако это их не спасло: в 1941 г. колонии перестали существовать.

Подводя итог вышесказанному, нужно отметить, что воспитание в немецких семьях формировало у детей такие характерные черты, как трудолюбие, честность, уважение к старшим, любовь к порядку. Думается, что сегодняшним специалистам, занимающимся воспитанием подрастающего поколения, следует обращаться к опыту прошлых поколений и брать из него лучшее.